

Евгения ЯНИЩИЦ

ЧАША

●
От беды суровой — до бесстрашья —
Трудная дорога пролегла.
Но стоит передо мною чаша,
Кровью и слезами тяжела.

— де же ты, могущество народа?
Залило тебя потоком слов?
Все большее мысли год от года,
Но дойти непросто до основ.

Горько на чернобыльском Полесье —
Хоть ты убегай на Колыму,
Наступить на горло своей песне!
Только вот зачем и почему?

Журавли слетаются уныло,
И желтеют иглы под сосной.
Вижу я, как бешеною силой
Раскачало хрупкий шар земной.

Как сиротские горюют очи,
Как гудит огонь на небеси.
...«Если только можешь, ave Отче,
Чашу эту мимо пронеси!»

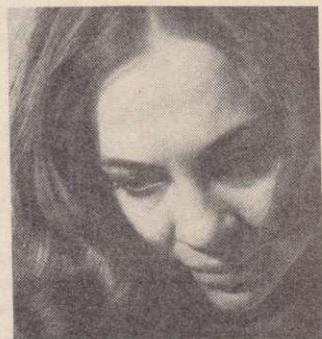
●
Наивные, влюбленные года,
Цветенье лип и легкие дороги.
Завтра вот нахлынут холода —
Знала я, что осень на пороге.

Вдоль полосы тревожно-снежевой,
Над пропастью обманчивой свободы
Как долго я искала облик твой!
Вот он исчез — последний дар природы.

Последний дар. Удар небытия.
Грачами перечеркнутые дали.
И до забвения, до забытья
Гляжу на то, что мы любовью звали.

Нахально так смеется ветерок,
Летящий над пустынею квартала.
...И разве ты тогда представить мог,
Что места мне на всей земле не стало!

●
Да можно ли еще любить сильнее,
Когда желанье — буря и покой!



Евгения Иосифовна Янищиз (1948—1988) родилась на Пинщине. В 1971 году окончила филологический факультет БГУ имени В. И. Ленина. Автор пяти поэтических книг на родном языке. В Москве в издательстве «Советский писатель» вышел сборник «Спроси у чабреца» (1975). Отдельные подборки стихов переводились и печатались в братских республиках и за рубежом.

Лауреат Государственной премии БССР им. Я. Купалы и премии Ленинского комсомола Белоруссии.

С годами все увидится яснее —
Как будто звезды вспыхнут под рукой.

Ты — ворон мой, ты близкое затмение.
Ты обнимаешь дни мои и сны.
От буйных крыльев не ищу спасенья,
Когда шалеет вольница весны.

Мой брат крылатый, меткою стрелою
И пулею тебе грозили век.
Как будто ты и впрямь тому виною,
Что хищником родился человек.

Ты демон скорби, ярости и гнева.
Созвучье грома ты и бубенца.
Ты ворон мой — и надо мною небо
Все заволакиваешь до конца.

●

И снова поле днем весенним,
Деревни пыльный антураж.
Я знаю все: полет, паденье
И счастья звонкого мираж.

Век техники и технократов,
Прогресса мутная вода.
Словно пчела от химикатов,
Лечу неведомо куда.

Я помню все. Я много знаю
Про этот черно-белый свет.
Я ничего не понимаю —
Все снова, как в двенадцать лет!

Неровный почерк, опечатки,
Судьба, сквозящая в строках...
Но день таинственный и краткий.
Улыбка сына, путь негладкий —
Они еще в моих руках!

Федерико Гарсиа Лорка

Содрогнулся балкон
Сквозь дождинки косые.
Может быть, это сон,
Федерико Гарсия!

Может, это в горах
Грянул гром стоязыко!
Может быть, это взмах,
Это взлет, Федерико!

Только песня с тобой,
Страсть и нежность поэта.
Но сегодня конвой
Уведет из рассвета.

Одиночества тьму
Одному не осилить.
Может быть, потому,
Федерико Гарсия,

Ты гитару берешь...
Пусть заплачет о крае
Апельсиновых рощ,
От любви умирая.

Скоро утро придет
Тишиной безголосой.
Пусть гитара прольет
Свои звонкие слезы.

Резко вздрогнул курок.
Где ж пророк? Где — Мессия?
Обрывается срок...
Федерико...

Гарсия...

Гром, донесшийся с гор.
Ветер, смолкший устало.
Только ждет до сих пор
На балконе гитара.

Этруски и шумеры

Пять тысяч лет еще до нашей эры —
Как будто в вечности забытый час.
Скажите мне, этруски и шумеры,
Зачем сегодня думаю про вас?

Как трудно отступали брат за братом,
Как тяжко умирало слово «мы».
А солнце между Тигром и Евфратом
Глядит глазами вашими из тьмы.

В пространство крикну — время отзовется.
Могучий гром придет издалека.
Лиловая Венеция вернется
Этруской через хищные века.

Сквозняк столетий каменные двери
Вдруг распахнет —
и вынырнут на свет
Других времен этруски и шумеры:
Запомни их на стойбищах газет!

До боли, до сердечной перегрузки
Ловлю огонь, что в пекле не погас.
...Откликнитесь, шумеры и этруски!
Уже не только думаю про вас.



Мы были. Я была!
Игра — не для меня.
Недаром я прошла
Трагедией огня.

И жар сухой версты
На сердце приняла,
Хоть за собой мосты
Все — начисто! — сожгла.

Где пламени стена
И нет других путей,
Я та, что у тебя
Не просит легких дней.

Где смертная костьба,
Где бьет безумный град,
Я та, что ждет тебя
Со всех ветров — назад.

К поэзии

И боль измены, и тревога,
С огнем сплетенная беда.
Опять поэзии дорога
И полуночная звезда.

И в мире суетном и сорном,
Где слово съел повальный быт,
Поэзия во тьме бессонной
Мне испытанием грозит.

Где грязь и водорослей груды,
Железный век, словно в провал,
Свой прочный возвращает люду
И современнейший металл.

Осколки музыки луженой
Да черепки фарцевых драм.
Металл грохочет раздраженный...
А мы надеемся на Храм!

Несем — по горсточке, по грамму —
Свет по дороге круговой.
Поэзия — служенье Храму!
И ты не можешь быть другой.

И не в пример Тельцам и Рыбам
Бунтует и болит твой Знак.
И я шепчу тебе: спасибо.
Другой не можешь быть никак.

Контрасты

Ты теперь невозможна далеко.
Вырву с грядок полынь и осот.
Только ворон — колючее око —
Мою душу навылет пробьет.

Задохнусь сумасшедшим морозом,
Лютым холодом щеки обдаст.
Черный ворон над белою розой:
О, какой фантастичный контраст!

Я гляжу: лепестки облетают
Под неистовым ветром слепым.
Все острее сквозь боль проступают
Когти ворона, розы шипы.

Ты скажи, почему же так грозно
Кружит, сна разорвав полотно,
Черный ворон над белою розой —
Как над сердцем, остывшим давно?

Анна Герман

Так душу окликает голос,
Мелодия — судьбу рождает.
...Но в час весны и урожая
О камень лира раскололась?

Вы вся такая молодая!
И волосы шумят, как травы.
Смеется голос и светает
На тихих улочках Варшавы.

Милан. О, тут витал Карузо!
Милан, пусть ожидает месса!
Пускай в печальном платье Муза,—
Настройте музыку, Маэстро!

Совсем такая молодая!
Еще и солнышко — высоко.
Смеется голос и светает
От Бреста до Владивостока.

Мы заждались... Не умолкайте.
(Пластинка черная, как рана.)
И трудно так сказать: «Прощайте!»
Нех жые Песня, пани Анна!

Перевод с белорусского Татьяны ЛЕЙКО.

